

ОБЗОРЫ

Евгения Лекаревич

ВЕТО НА ТАБУ: ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДИСКУССИИ

Обзор посвящен зарубежным исследованиям, анализирующим то, как в современной детской литературе рассматриваются «трудные» и ранее запретные темы: военное, этническое, семейное и сексуальное насилие (в частности – Холокост), самоповреждение (селфхарм), буллинг и пр. В обзоре освещаются основные позиции современной академической дискуссии о проблемной литературе для детей и подростков, рассматриваются соображения исследователей и практиков о перспективах работы с данными текстами в рамках школьного образования. Автор обзора обращает свое внимание как на литературоведческие статьи, посвященные жанровой проблематике, так и на эмпирические исследования, касается педагогических практик работы с данными текстами, приводит примеры экспертной оценки художественной детской книги как образовательного ресурса. Современная детская литература включает в себя множество новых тем, героев и трактовок, связанных с категориями неравенства, дискриминации и насилия, что становится предметом научного осмысления. В обзоре анализируются актуальные научные работы западноевропейских и американских исследователей (Э. Байер, К. Рейнольдс, Б. Гольдшмит-Жерлёв, А. Алтроус, К. Лелли, Л. Лопес-Роперо и др.), написанные в период с конца 1990-х гг. по 2010 г.

Ключевые слова: Холокост, семейное насилие, сэлфхарм, сексуальное насилие, буллинг, изображение травмы в детской литературе.

Евгения Валерьевна Лекаревич

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
e.lekarevich@gmail.com

Запретные, неудобные и сложные темы, появляясь в детской литературе, закономерно становятся предметом академического интереса. Дидактичность детской книги предполагает знакомство ребенка и подростка с реалиями социальной жизни, однако протекционизм в отношении детей и забота об их благополучии вступают в противоречие с задачами, которые ставит современная педагогика: с одной стороны, концепт благополучного детства, предполагает, что это будет пора беззаботности и безопасности, с другой — перед родителями / взрослыми стоит задача предупредить ребенка об опасностях и рисках взрослого мира. Эта задача зачастую делегируется профессионалам — писателям и педагогам, от которых ожидается сочетание дидактики с деликатностью в изобретении языка, который мог бы заполнить лауну в разговоре с детьми о «неудобном», т. е. травматичном, болезненном или запретном.

В своей статье «Новый алгоритм в изучении зла: детская литература в мире после Холокоста» Элизабет Байер подчеркивает, что история детской литературы уже отошла от викторианской традиции «подслащивания» трудных тем [Baer 2000]. Байер выделяет, например, две основных причины необходимости «письма о Холокосте» в детской литературе: во-первых, почтение к памяти жертв, во-вторых, предотвращение зла в будущем. Для описания книг этого тематического спектра исследовательница использует термин «литература о злодеяниях» (*literature of atrocity*), предложенный Лоуренсом Лангером в книге «Холокост и литературное воображение», дает свои рекомендации и делится наблюдениями о том, какой должна быть детская литература, для того чтобы стать посредником в разговоре с ребенком о зле не сказочном, а существующем в нашей реальности. Байер выделяет следующие компоненты такого разговора:

- 1) *Прямота* — зло, совершаемое людьми, должно называться прямо и изображаться как реально существующее.
- 2) *Комплексность* — объяснение сути явлений не должно быть упрощенным, необходимо предлагать читателю контекст, давать по возможности полные ответы о причинах и следствиях зла.
- 3) *Предупреждение* — литература должна выполнять функцию предупреждения об опасности (в данном контексте — об опасности расовой дискриминации).

- 4) *Сознательность* — помощь в формировании самостоятельного понимания и оценки событий читателем за счет его достоверного информирования (в том числе и за счет раскрытия сути понятия «травма»). То, что поможет читателю сформировать позицию личной ответственности по отношению к социально значимым событиям.

Эссе Байер отвечает на вопросы «как» и «зачем» в наши дни нужно писать для детей об опыте катастроф. Однако в этой связи необходимо учитывать существующие официальные установки, регламентирующие допустимость изображения того или иного явления в детской литературе. Так, например, изображение насилия в медиа само по себе подцензурно: в Российской Федерации действует закон¹, ограничивающий доступ детей к текстам и видеоматериалам, содержащим описание насилия и сексуальных сцен. Этическая проблема существует в континууме между «предупредить» и «не навредить»: обращение к теме массового насилия считается оправданным в идеологических, но не развлекательных целях, предполагается, что первое просвещает, а второе может нанести вред детям.

Советский опыт использования коллективной травмы в идеологических интересах отражен в статье Шона Эди «Четыре цвета антифашизма: послевоенные нарративы и затемнение Холокоста в комиксах в ГДР». В соответствии с соцреалистическим канонам эти комиксы акцентировали внимание на участии детей в строительстве социализма, освободительном движении Красной армии, подвигах и героях [Eedy 2018]. Как отмечает Э. Байер, в «литературе злодеяний» основное внимание должно быть уделено фигурам жертв трагедии, а не героям — такова ответственность тех писателей, которые берутся сохранять память и исцелять коллективную травму.

Кимберли Рейнольдс в своей книге «Радикальная детская литература» также указывает на дискуссию вокруг нарративов о травме, однако уже не только коллективной, но и личной. Исследовательница обращается к текстам, обсуждающим депрессию, самоповреждение (селфхарм / *selfharm*) и отчаяние. Цитируя Кеннета Кидда, она замечает: консенсус о том, что детская литература — подходящее пространство для работы с травмой (*trauma work*), уже достигнут [Reynolds 2007, 89]. Темные и мрачные чувства не являются сегодня монополией взрослых, они есть и у детей, и у подростков, и Рейнольдс полагает, что взгляд на себя при посредстве литературы

помогает прожить эти эмоции и получить новые знания о себе. Селфхарм не является исключительно подростковой практикой, исследовательница отмечает, что, например, последствия буллинга, который может стать одной из причин самоповреждения, нередко проявляются и у взрослых людей, точно так же, как отчаяние и депрессия могут быть следствием травмы². Рейнольдс обращается к разным жанрам детской литературы, в которых затрагивается проблема травмы: от книжек-картинок до прозы категории «Young Adult».

Тематика этой литературы зависит от жанра и адресации: книги для читателей младшего возраста чаще всего посвящены разговору о проявлении неоднозначных эмоций (гнева, злости, обиды и др.), но обходят стороной феномен самоповреждения. Подростковая литература не избегает изображений практик селфхарма, которые могут выражаться в нанесении себе порезов, анорексии, рискованном и саморазрушительном поведении, в попытках самоубийства как предельной форме самоповреждения. Рейнольдс в своей работе ставит вопрос о том, является ли такая литература терапевтической или же создает эстетику самоповреждения, приходя к выводу, что литература о селфхарме может все же оказать читателю помощь в трансформации деструктивного поведения.

Аяна Алтроус вступает в полемику с этим тезисом Рейнольдс в своей публикации «Молчание и регулирование феминистского гнева в молодежной литературе об изнасилованиях» [Altrows 2019]. Алтроус пишет, что изображение молчаливых жертв в современной литературе для подростков может воспроизводить табу на артикуляцию личного опыта и нормализовать селфхарм как практику проживания травмы. Исследовательница отмечает: «Предполагается, что читатель знает то, чего не знает персонаж: самоповреждение — это неправильно, и самообвинение — это тоже неправильно» [Altrows 2019, 10]. Алтроус возражает против репрезентации жертвы как молчащего персонажа, она отмечает, что, предоставляя юным читателям самостоятельно догадываться о том, какова позиция автора, литература оставляет читательскую интерпретацию на волю уже сложившихся культурных представлений.

Беата Гольдшмидт-Жерлёв развивает и дополняет этот тезис, замечая, что художественная литература является важным инструментом обучения, однако его нужно сочетать с разговором о правах ребенка и объяснением асимметричных отношений власти. По её словам, равнозначна ценность знания о том, как функционирует культурное табу, которое направлено на сохранение молчания

жертв, и ценность знания о том, что в современном социуме существует возможность рассказать о случившемся и получить помощь [Goldschmidt-Gjerløw 2019, 27]. В своей статье «Права детей и ответственность учителей: репродукция или трансформация табу на обсуждение насилия в отношении детей?» Гольдшмидт-Жерлёв приходит к выводу, схожему с позицией Рейнольдс. Суть вопроса, заключающегося в том, является ли обсуждение насилия в отношении детей воспроизводством паттерна или возможностью его ослабления, удачно раскрывается именно на этом тематическом примере: информированность детей, очевидно, не может способствовать умножению насилия над ними со стороны взрослых, в то время, как табуированность самой темы, запрет на обсуждение случившегося, препятствуют получению необходимой помощи. Культурное табу на обсуждение насилия защищает преступников. Гольдшмидт-Жерлёв заключает: «Нет никакого оправдания тому, чтобы смотреть в противоположном направлении, поскольку, несмотря на все трудности, у учителей есть агентность и возможность противодействовать культуре молчания о сексуальном насилии над детьми» [Goldschmidt-Gjerløw 2019, 41].

Эффективность детской литературы как средства предупреждения насилия и, одновременно, инструмента образования, становится предметом эмпирических исследований. Пример такого исследования представляет статья под названием «„Говори“: как уроки литературы влияют на веру в мифы об изнасилованиях», где рассказывается об опыте работы школьников и учителей с романом американской писательницы Лори Холс Андерсон³, где повествование ведется от лица девочки-подростка, пережившей сексуальное насилие. Исследовательский вопрос формулировался следующим образом: помогает ли обсуждение художественной литературы о сексуальных злоупотреблениях, осуществляемое в рамках школьной программы, снизить уровень доверия к ложным мифам об изнасилованиях. В обосновании актуальности своей работы автор отмечает, что девочки-подростки являются группой, на которую приходится 33,5% всех зарегистрированных изнасилований, а для четырнадцатилетних девочек вероятность столкнуться с насилием выше, чем в любой другой возрастной группе женщин⁴ [Malo-Juvera 2014, 410]. В рамках исследования было проведено 12 уроков, которые включали чтение учителем вслух, самостоятельное чтение учеников, чтение по очереди, вопросы, а также четыре сочинения на темы, предложенные исследователем⁵ [Malo-Juvera 2014, 415]. Чтобы проверить, эффективна ли эта стратегия для развенчания ми-

фов об изнасиловании (миф о виновности жертв и т. д.), школьники прошли тестирование по специально разработанному опроснику, отражающему распространенные стереотипы и заблуждения о насилии. В исследовании принимали участие 139 восьмиклассников и два учителя, результаты были проверены на контрольной группе школьников. Тестирование до и после «литературной интервенции» показало, что вера в мифы об изнасилованиях снизилась как у девочек, так и у мальчиков, но у мальчиков разница в убеждениях «до» и «после» работы с текстом романа оказалась значительнее.

Другим примером эмпирического количественного исследования, базирующегося на произведениях детской литературы, затрагивающих проблему табуированности обсуждения случаев сексуального насилия над детьми, служит статья с несколько тяжеловесным названием «Оценка бразильских детских книжек-картинок о предотвращении сексуальных злоупотреблений по отношению к детям (в соответствии с литературными критериями)» [Soma, Williams 2017]. Основной метод исследования — экспертная оценка: 12 профессиональных психологов, оценили тексты 6 детских книг о педофилии и домогательствах⁶ в соответствии со специально разработанной шкалой оценок из 27 критериев. Сюда были включены, например, такие вопросы: «Предоставляет ли автор прямые инструкции об обладании телом (мое принадлежит мне)?», «Помогает ли текст понять разницу между прикосновением, которое выражает любящую заботу, и прикосновением, которое является домогательством?», «Делается ли акцент на том, что неадекватное поведение взрослых — никогда не вина ребенка?» и т. д. Оценки экспертов были сведены к общему показателю, который продемонстрировал, что из шести книг только 1 книга отчасти (на 48 %) отвечала поставленным образовательным критериям.

Проблема распознавания насилия стоит не только перед самими детьми, но и перед взрослыми, которые работают с ними. Одной из наиболее «трудных тем» современной детской литературы становится насилие в семье, под это определение (в его расширенном понимании) попадают ситуации, в которых дети становятся свидетелями домашнего насилия, его непосредственными жертвами⁷, сталкиваются с пренебрежительным отношением (*neglect*) или депривацией со стороны взрослых, которые должны заботиться о них. Работа Коллин Лелли посвящена образовательной программе для взрослых профессионалов, работающих с детьми и детской книгой. В экспериментальном исследовании Лелли приняли участие 42 студента, программа включала в себя 5 книг об эмоциях и 5 книг

о семейном насилии⁸. Лелли замечает, что знакомство с такой литературой позволяет детям, идентифицируясь с героем книги, эксплицитировать свои проблемы, а взрослым, обладающим нужной квалификацией, наблюдение за реакцией читателей на тексты помогает распознать проблемные сигналы. Таким образом, детская литература выполняет роль медиатора в социальной работе и служит вспомогательным материалом в образовании для взрослых [Lelli 2010].

Еще одной «невидимой» проблемой, которая рассматривается в сегодняшней детской литературе, адресованной как самым младшим читателям, так и подросткам, является буллинг — регулярные агрессия и давление сверстников, направленные на наиболее уязвимых участников детского коллектива. Буллинг может проявляться в разных формах: физическое насилие (от щипков до побоев), вербальное (обзывания, угрозы), социальная депривация (бойкот, сплетни), все эти формы описываются в детской литературе, равно как и стратегии преодоления (*coping*) [Flanagan et al. 2013]. Репрезентация стратегий преодоления становится фокусом статьи «Справляясь с травлей: какие ответы дает детская литература?», где рассказывается об исследовании, в рамках которого были закодированы изображения буллинга из 73 англоязычных книг для детей от 4 до 11 лет; результаты кодирования анализировались с помощью статистических методов. Исследование принесло ряд любопытных результатов: например, выяснилось, что детская литература изображает ответы на ситуации буллинга, на которые социальные исследователи ранее не обращали внимания — активное принятие, попытка обхитрить или напугать обидчика. Большая часть книг (68 %) изображает просоциальные ответы на ситуации буллинга: поиск совета, дружба с обидчиком, вербальная конфронтация, вмешательство свидетеля. Однако 25 % книг описывает «мстительные» стратегии: обман, запугивание, социальное исключение в отношении хулиганов (эти стратегии в социальных исследованиях буллинга считаются непродуктивными, т.е. не предотвращающими насилие). Чем старше возраст читателей, которым адресована книга, тем реже её авторы обращаются к «просоциальным стратегиям», что тоже кажется интересным выводом, учитывая, что социальные компетенции детей повышаются с возрастом.

Лурдес Лопес-Роперо рассматривает произведения о буллинге в сегменте «Young Adult» литературы в качестве самостоятельного поджанра (*subgenre*). Она отмечает, что, несмотря на активное развитие этого жанра в последнее десятилетие, он получает в экспертном сообществе сравнительно мало внимания, т.к. большая

часть исследований сосредоточена на изучении книг для малышей. В фокусе статьи Лопес-Роперо находятся тексты, в которых буллинг рассматривается через призму социальных процессов дискриминации и исключения и которые поднимают вопрос об автономности и индивидуальности субъектов социума⁹ [Lopez-Ropero 2012, 147]. Исследовательница отмечает, что в центре повествования, как правило, помещается образ героини или героя, обладающих особой социальной независимостью, а спектр описанных в литературе для подростков насильственных практик довольно широк и варьируется от вербальных оскорблений до женских драк и сексуального насилия на почве гомофобии. Исследовательница обобщает результаты своих наблюдений: «В основе всех этих романов лежит убеждение, что буллинг — не особенность подросткового возраста, а признак общества с высоким уровнем фанатизма, которое не допускает отклонений от принятых норм, будь то раса, класс, сексуальная ориентация или личностные качества» [Lopez-Ropero 2012, 155]. Впрочем, использование концепции «социальной нормы» как объяснительной модели также подлежит критике¹⁰.

Тревога о психическом и эмоциональном благополучии детей и подростков отражается во многих исследованиях, посвященных детской литературе. Однако считать, что дети не сталкиваются в своей повседневности с темной стороной социальной реальности, которую они делят с взрослыми, было бы протекционизмом в отношении самих себя. «Относительная социальная изоляция подростков в социальных сетях имеет по простым социологическим причинам серьезные потенциальные последствия, часто негативные», — пишет Кристиан Смит с соавторами в заключении к своей книге о подростках [Smith et al. 2011]. По мысли авторов, дети, подростки и молодежь часто оказываются «заключенными» в структурно обусловленных возрастных группах, где без наставлений и присмотра взрослых они воспроизводят всё то, чему научила их культура насилия и молчания. Свои выводы о такого рода сегрегации и дисбалансе власти на примере школы делает и исследователь детской литературы Перри Нодельман. Описывая «императив молчания» (*silencing*), он замечает: «мы выпускаем детскую литературу, в которой почти ничего не говорится о сексуальности... Мы мешаем детям говорить с нами о проблемах сексуальности: наше молчание ясно подтверждает, что мы не хотим слышать об этом, что мы считаем детей, которые столкнулись с трудностями, ненормальными» [Nodelman 1992, 30]. Замечание Нодельмана касается контролирующей природы взрослого дискурса о детстве и обозначает потребность в его

анализе. В конце XX в. Джоди Нортон писала: «Табу, которыми оперируют взрослые, становятся решающим политическим фактором для установления диспозиции взрослый / ребенок, обозначающей границы культуры детства» [Norton 1999, 420]. Эта граница служит также для легитимации злоупотреблений, обслуживая не культуру детства, а культуру насилия в отношении детей. В своем эссе о трансгендерности в детской литературе Нортон призывала писателей обратиться к «возвышенному реализму субъективности», «психосоциальному реализму», чувствительному к вопросам гендера, сексуальности и расы [Norton 1999, 431].

Жасмин Лестен в своей работе рассматривает 68 книг, которые отвечают запросу Нортон, и, кроме того, учитывают классовое измерение в описании гендерного неподчинения персонажей: детей и родителей. Констатируя проблему школьного буллинга, исследовательница пишет о новом понимании нормативности, заключая, что детская литература, будучи средством культурной коммуникации, создает основу для более эгалитарного мировоззрения [Lester 2015, 262].

Сегодняшняя подростковая и детская литература растворяет границы умолчаний и табуированных тем, создавая репрезентации персонажей, чей опыт реалистичен: истории о девушках-подростках, беременных в результате incesta [Vason 2016], женщинах с ментальными расстройствами [Church 2018], ЛГБТ-детях, как сталкивающихся с травлей, так и находящихся в благополучных отношениях¹¹ [Norton, Vare 2004; Day 2000; Naidoo 2012], подростках с опытом трансформации феминной и маскулинной идентичности [Harper 2007; Lesten 2015], этнически-нетипичных детях [Bickmore, Xu, Sheridan 2017; Pesonen 2013], девочках, подвергшихся калечащим операциям на гениталиях [Alston 2019] и др. В детской и молодежной литературе появляется множество *других* героев, сюжетов, социальных проблем, дискуссий, а методы исследований все чаще заимствуют продуктивные стратегии из смежных областей — социологии, антропологии, психологии.

Несмотря на то что обсуждение проблемных вопросов может вызывать беспокойство и даже моральную панику у неортодоксальных сообществ, новая детская литература стремится к более эгалитарным уровням дискуссии, осваивая непривычную проблематику и связанную с её изображением эстетику, а вместе с авторами детской литературы такую форму разговора о пугающем, сложном, травматичном и «неудобном» осваивают и специалисты-практики.

Примечания

- ¹ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».
- ² Впрочем, самоповреждение не всегда рассматривается исследователями как следствие травмы, существует альтернативная точка зрения на практики селфхарма как на культурно обусловленный феномен [Miskec, McGee 2007].
- ³ Роман Л.-Х. Андерсон «Говори», посвященный истории 13-летней героини, пережившей изнасилование, был напечатан в 1999 г. Русский перевод вышел в 2014 г. в издательстве «Азбука-Аттикус».
- ⁴ Автор ссылается на данные Статистического управления юстиции США, в Российской Федерации такой статистикой заведует Следственный комитет, из доступной информации: в 2014–2018 гг. 45,1 % всех преступлений против несовершеннолетних обоого пола составили преступления сексуального характера, в возрастной группе 6–10 лет — 51,7 % от всех жертв преступлений, 11–13 лет: 31,1 %, 13–17 лет: 39,3 % [Кабанов 2019, 30]. В 2009–2014 гг. «несовершеннолетние наиболее часто становились жертвами таких преступлений как побои, кражи, грабежи», и только потом «насильственных действий сексуального характера», кроме того, «начиная с 2014 года очевидна негативная тенденция — увеличение количества учтенных несовершеннолетних жертв преступлений» [Кабанов 2016, 19–20]. Сайт общественной организации «Тебе поверят» указывает: «от 11 % до 30 % детей и подростков проходят через сексуальное насилие или инцест» [verimtebe.ru].
- ⁵ В качестве упражнения предлагалось написать письмо героине, убеждающее ее в том, что то, что она пережила, — было изнасилованием, эссе о собственном восприятии, записать сценарий с насильником (в воображаемой ситуации дружбы с ним), и рефлексивное эссе о том, поверили ли бы ученики жертве изнасилования в реальной жизненной ситуации [Malo-Juvera 2014, 415].
- ⁶ Книги, рассмотренные в рамках исследования: Н. М. Ferreira «Antônio» (2012), С. В. Siquinel «Chapeuzinho Cor de Rosa e a Astúcia do Lobo Mau» [Little Pink Riding Hood and the Big Bad Wolf's Shrewdness] (2010), V. Fonseca «A Invasão do Planeta chamado Carinho» [The Invasion of a Planet called Affection] (2008), O. Barros «Segredo Segredíssimo» [The very Secretive Secret] (2011), A. R. S. Silva, S. Soma & C. F. Watarai «O Segredo de Tartanina» [Tartanina's Secret] (2011), C. Arcari «Pipo e Fifi» [Pipo and Fifi] (2013).
- ⁷ «По данным 2012 г., в семьях России подвергалось побоям родителями около 2,2 млн детей. Около 12 % из этого числа детей погибли; около 1,8 тыс. покончили жизнь самоубийством и более 45 тыс. ушли из дома. Вызывает тревогу факт, что в 2002 г. число погибших детей по бытовым причинам было ниже — на 2 %» [Сердюк 2014, 17].

- ⁸ Книги о домашнем насилии для самых маленьких: S. Bernstein «A Family That Fights» (1991), M. Holmes «A Terrible Thing Happened» (2000), C. Loftis, «The Words Hurt» (1995), F. Rogers «I Do, and I Don't» (1992), H. Schor «A Place for Starr» (2002).
- ⁹ В статье анализируются: R. Cormier «The Chocolate War» (1971), J. Spinelli «Stargirl» (2000), J. Adoff «Names Will Never Hurt Me» (2004), C. Plum-Ucci «What Happened to Lani Garver» (2004), W. Dean Myers «Shooter» (2005), R. Williams-Garcia «Jumped» (2009).
- ¹⁰ Например, авторы статьи «Социальные нормы: не слишком ли сильно мы их любим?» Дэвид С. Белл и Мэри Л. Кокс рекомендуют использовать понятие «традиция» (*custom*) для тех случаев, когда прямая связь социальной нормы и поведения не доказуемы эмпирически: «Возможно, родители заботятся о детях, потому что они их любят, а не потому, что их принуждают, вознаграждают или убеждают с помощью норм» [Bell, Cox 2015].
- ¹¹ Среди них: В. Hartinger «Geography Club» (2003), Т. Benduhn «Gravel Queen» (2003), J. A. Peters «Keeping You a Secret» (2003), J. Ripslinger «How I Fell in Love and Learned to Shoot Free Throws» (2003), L. Myracle «Kissing Kate» (2003), G. Huser «Stitches» (2003), C. Plum-Ucci «What Happened to Lani Garver» (2002) [Norton, Vare 2004].

Литература

Источники

Кабанов 2019 — Кабанов П. А. Криминальная виктимность несовершеннолетних: возрастная структура и её содержание (краткий обзор на основе виктимологической статистики Следственного комитета РФ 2014–2018 гг.) // Виктимология. 2019. № 2 (20). С. 28–32. (Kabanov P. A. Kriminal'naya viktimnost' nesovershennoletnikh: vozrastnaya struktura i ee sodержanie (kratkiiy obzor na osnove viktimologicheskoy statistiki Sledstvennogo komiteta RF 2014–2018 gg.) // Viktimologiya. 2019. No. 2 (20). Pp. 28–32.)

Кабанов 2016 — Кабанов П. А. Несовершеннолетние жертвы современной российской преступности: статистико-виктимологическое измерение (2009–2015 гг.) // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 7–23. (Kabanov P. A. Nesovershennoletnie zhertyy sovremennoy rossiyskoy prestupnosti: statistiko-viktimologicheskoe izmerenie (2009–2015 gg.) // Viktimologiya. 2016. No. 3 (9). Pp. 7–23.)

Сердюк 2014 — Сердюк Л. В. О защите детей от семейного насилия и проблеме их правового воспитания // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3. С. 16–19. (Serdyuk L. V. O zashchite detey ot semeynogo nasiliya i probleme ikh pravovogo vospitaniya // Voprosy yuvenal'noy yustitsii. 2014. No. 3. Pp. 16–19.)

- Alston 2019* — Alston A. “When Something Is Wrong We Write It”: The Portrayal of Female Genital Mutilation in Children’s Literature // *Bookbird: A Journal of International Children’s Literature*. 2019. Vol. 57. No. 2. Pp. 22–34.
- Altrows 2019* — Altrows, A. Silence and the Regulation of Feminist Anger in Young Adult Rape Fiction // *Girlhood Studies*. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 1–16.
- Bacon 2016* — Bacon E. Push — a prototype of displaced fiction: breaking the circle of silence (YA Literature) // *New Writing*. 2016. Vol. 13. No. 1. Pp. 30–41.
- Baer 2000* — Baer E. R. A New Algorithm in Evil: Children’s Literature in a Post-Holocaust World // *The Lion and the Unicorn*. 2000. Vol. 24. No. 3. Pp. 378–401.
- Bell, Cox 2015* — Bell D. C., Cox M. L. Social norms: do we love norms too much? // *Journal of family theory & review*. 2015. Vol. 7. No 1. Pp. 28–46.
- Bickmore, Sheridan 2017* — Bickmore S. T., Xu Y., Sheridan M. I. Where Are the People of Color?: Representation of Cultural Diversity in the National Book Award for Young People’s Literature and Advocating for Diverse Books in a Non-Post Racial Society // *Taboo: The Journal of Culture and Education*. 2017. Vol. 16. No 6. Pp. 39–54. DOI: <https://doi.org/10.31390/taboo.16.1.06>.
- Church 2018* — Church I. The Picture of Madness — Visual Narratives of Female Mental Illness in Contemporary Children’s Literature // *Children’s Literature in Education*. 2018. Vol. 49. No. 2. Pp. 119–139. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10583-016--9286-2b>.
- Day 2000* — Day F. A. Lesbian and gay voices: An annotated bibliography and guide to literature for children and young adults. Greenwood Publishing Group, 2000.
- Eedy 2018* — Eedy S. Four colour anti-fascism: postwar narratives and the obfuscation of the Holocaust in East German comics // *Journal of Modern Jewish Studies*. 2018. Vol. 17. No. 1. Pp. 24–35. DOI: <https://doi.org/10.1080/14725886.2017.1382071>.
- Flanagan 2013* — Flanagan K. S., Hoek, K. K. V., Shelton, A., Kelly, S. L., Morrison, C. M., & Young, A. M. Coping with bullying: What answers does children’s literature provide? // *School Psychology International*. 2013. Vol. 34. No. 6. Pp. 691–706.
- Goldschmidt-Gjerløw 2019* — Goldschmidt-Gjerløw B. Children’s rights and teachers’ responsibilities: reproducing or transforming the cultural taboo on child sexual abuse? // *Human Rights Education Review*. 2019. Vol. 2. No. 1. Pp. 25–46. DOI: <https://doi.org/10.7577/hrer.3079>.
- Harper 2007* — Harper H. Studying masculinity (ies) in books about girls // *Canadian Journal of Education/Revue canadienne de l’éducation*. 2007. Vol. 30. No. 2. Pp. 508–530. DOI: <https://doi.org/10.2307/20466648>.

Johnston 2018 — Johnston J. “Maybe I am fixed”: Disciplinary Practices and the Politics of Therapy in Young Adult Literature // Children’s Literature Association Quarterly. 2019. Vol. 44. No. 3. Pp. 310–331. DOI: <https://doi.org/10.1353/chq.~2019.0035>.

Lelli 2010 — Lelli C. M. Incorporating Domestic Violence Awareness through an Undergraduate Reading Course Focused on Children’s Literature // ProQuest LLC / Ed. D. Dissertation, Widener University, 2010.

Lester 2014 — Lester J. Z. Homonormativity in children’s literature: An intersectional analysis of queer-themed picture books // Journal of LGBT Youth. 2014. Vol. 11. No. 3. Pp. 244–275.

Lopez-Ropero 2012 — Lopez-Ropero L. “You are a Flaw in the Pattern”: Difference, Autonomy and Bullying in YA Fiction // Children’s literature in education. 2012. Vol. 43. No. 2. Pp. 145–157. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10583-011--9145-0>.

Malo-Juvera 2014 — Malo-Juvera V. Speak: The effect of literary instruction on adolescents’ rape myth acceptance // Research in the Teaching of English. 2014. Vol. 48. No. 4. Pp. 407–427.

Miskec, McGee 2007 — Miskec J., McGee C. My scars tell a story: Self-mutilation in young adult literature // Children’s Literature Association Quarterly. 2007. Vol. 32. No. 2. Pp. 163–178. DOI: <https://doi.org/10.1353/chq.~2007.0031>.

Naidoo 2012 — Naidoo J. C. Rainbow Family Collections: Selecting and Using Children’s Books with Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender, and Queer Content. ABC-CLIO, 2012.

Nodelman 2019 — Nodelman P. The Other: Orientalism, Colonialism, and Children’s Literature // Children’s Literature Association Quarterly. 1992. Vol. 17. No. 1. Pp. 29–35.

Norton 1999 — Norton J. Transchildren and the Discipline of Children’s Literature // The Lion and the Unicorn. 1999. Vol. 23. No. 3. Pp. 415–436.

Norton 2004 — Norton T. L., Vare J. W. Literature for today’s gay and lesbian teens: Subverting the culture of silence // English journal. 2004. Vol. 94. No. 2 Pp. 65–69.

Pesonen 2013 — Pesonen J. Anti-racist strategies in Finnish children’s literature: Physical appearance and language as signifiers of national belonging // Children’s Literature in Education. Vol. 44. No. 3. Pp. 238–250. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10583-012--9186-z>.

Reynolds 2007 — Reynolds K. Self-harm, Silence, and Survival: Despair and Trauma in Children’s Literature // Radical Children’s Literature. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 88–113.

Smyth 2015 — Farrugia D., Smyth J., Harrison T. “Vulnerable”, “At-Risk”, “Disengaged” Interrogating Conceptions of “Vulnerable Youth” // Interrogating Conceptions of “Vulnerable Youth” in Theory, Policy and Practice / Ed. by Riele K., Gorur R. Rotterdam: Sense Publishers, 2015. Pp. 165–179.

Soma 2017 — Soma S. M. P., Williams L. C. A. Evaluation of Brazilian Children’s Picture Books on Sexual Abuse Prevention according to Literature Criteria // Trends in Psychology. 2017. Vol. 25. No. 3. Pp. 1201–1212. DOI: <http://dx.doi.org/10.9788/tp2017.3-14pt>.

Yauheniya Lekarevich

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences

VETO ON TABOO: CHILDREN’S LITERATURE AS A SPACE OF DISCUSSION

The article is dedicated to “difficult topics” depicted and discussed in books for young readers such as genocide (in particular, the Holocaust), family violence, sexual violence, bullying, discrimination, etc. Author provides short review on the relevant academic debates of the last two decades, creating a rough sketch of the field of contemporary children’s literature studies. The review includes articles devoted to genre problems, empirical research, pedagogical practices of working with texts, as well as examples of expert evaluation of children’s books as educational resources. Modern children’s literature includes many new topics, identities, and issues related to inequality and violence. This article analyzes the current scientific works devoted to the depiction, discussion, and teaching methods on such topics. The review analyzes relevant scientific works of Western European and American researchers (E. Baer, C. Reynolds, B. Goldschmit-Gjerlow, A. Altrows, K. Lelli, L. Lopez-Ropero etc.), written from the end of 1990s years until 2010.

Keywords: Holocaust, domestic violence, selfharm, sexual abuse, bullying, injury in children’s literature